

Чжоу Чжи всё же был старше. Сначала, застигнутый врасплох, он получил несколько ударов, но быстро оправился и вступил с Чжоу Чэном в схватку. Бабушка и дедушка Чжоу пытались их разнять, но безуспешно. Дети, словно дикие зверята, катались по земле, царапаясь и кусаясь, используя всё, что было под рукой.

Гу Миньюй сидел в стороне и холодно наблюдал.

Возможно, из-за того, что он наглотался речной воды, а может, от испуга, к вечеру у Гу Миньюй поднялась температура, и его начало рвать. Семья Чжоу испугалась, немедленно отвезла Миньюй в медпункт в городке и позвонила в город его матери.

Чэнь Линлин, получив звонок, тоже испугалась. Дома никого не было, дедушка Чжоу дозвонился до неё на работу. Узнав о случившемся, Чэнь Линлин очень забеспокоилась. Она всегда любила Гу Миньюй — мальчик был послушным, умным и смышлённым. Именно из-за его чрезмерной зрелости ему было особенно тяжело.

Но в этом деле прокуратура и полиция работали совместно, планируя на ночь засаду на трассе для перехвата грузовика с контрабандным табаком. Даже Гу Хуайли взял оружие и отправился на место, а Чэнь Линлин осталась в учреждении и никак не могла уйти.

Чэнь Линлин как раз размышляла, можно ли отпроситься у начальства, когда в дверь её кабинета постучали.

Хотя семья Чжоу была в панике, Гу Миньюй сохранял спокойствие. Каждый раз, когда у него болел желудок, всё было именно так, ничего страшного. Однако после событий дня и болезни даже Гу Миньюй не выдерживал. Сидя под капельницей, он широко раскрытыми глазами смотрел на вход в медпункт, надеясь, что в следующую же секунду оттуда войдёт его отец, Гу Хуайли.

Чжоу Чэн сидел рядом, прижавшись к нему. На его лице и руках были царапины от ногтей, на локте — большой синяк, полученный, когда Чжоу Чжи опрокинул его на кирпич, а на плече виднелся кровоточащий след от укуса. Медсестра обрабатывала ему раны. У Чжоу Чжи было примерно то же самое. Двоюродные братья в этот раз действительно дрались не на жизнь, а на смерть. Бабушка Чжоу сидела рядом с Чжоу Чжи, жалея то одного, то другого, но в душе она слегка склонялась к Чжоу Чжи, чувствуя, что Чжоу Чэн был слишком жесток, ради постороннего человека избив собственного брата до такого состояния.

Гу Миньюй сидел апатично и, что бы Чжоу Чэн ему ни говорил, не реагировал. По характеру он был склонен срывать зло на других и понимал: даже если сейчас Чжоу Чэн ради него подрался с Чжоу Чжи, очень скоро они помирятся, потому что таков уж характер Чжоу Чэна.

Гу Миньюй и Чжоу Чэн тоже ссорились, и однажды, разозлившись, Чжоу Чэн даже сказал, что порывает с ним дружбу. Гу Миньюй ответил «хорошо» и без малейшего сожаления вернул Чжоу Чэну все подаренные им вещи. Через несколько дней Чжоу Чэн передумал, прибежал и сунул ему картонную коробку с теми же вещами, велел забрать обратно. Гу Миньюй отказался,

но Чжоу Чэн нагло всучил их ему в руки, а затем заговорил с Минъюем как обычно, делая вид, будто они никогда и не ссорились.

Гу Минъюй знал: стоит только Чжоу Чжи извиниться перед Чжоу Чэном — да, именно перед Чжоу Чэном, а не перед самим Гу Минъюем, — и через несколько дней всё вернётся на круги своя. Чжоу Чэн никогда не был человеком, способным надолго затаить зло.

Гу Минъюй слишком много думал, злился на Чжоу Чэна из-за того, что ещё не произошло, и от этого злился ещё сильнее. Из-за болезни он чувствовал себя особенно уязвимым, глаза покраснели, и слёзы вот-вот готовы были хлынуть. Вдруг снаружи донёсся знакомый собачий лай. Гу Минъюй тут же выпрямился и, вытянув шею, посмотрел на дверь.

На улице было темно, и к медпункту шёл высокий худощавый человек, неся на руках маленькую собачку. Вероятно, учуяв запах хозяина, собачка заёрзала в его объятиях и залаяла. Человек наклонился и поставил её на землю. Прошло два месяца, щенок подрос и уже не был таким тощим. За пару прыжков он оказался в свете фонаря.

— Это Панда! — радостно воскликнул Чжоу Чэн.

Он обернулся посмотреть на Минъюя и увидел, как тот улыбается, но из глаз его катится слеза. Чжоу Чэн почувствовал, как у него в груди стало тяжело, словно что-то сжало его сердце. Тогда он ещё не понимал, что это был росток любви.

Но когда он понял, уже всё потерял.

Панда вбежал внутрь, оттолкнулся задними лапами и прыгнул в объятия Гу Минъюя, ласкаясь и потираясь мордой о его щеку. Гу Минъюю капали в правую руку, поэтому он мог лишь левой гладить Панду по голове, одновременно поднимая взгляд на вошедшего мужчину.

— Папа!

— Папа? — Чжоу Чэн с удивлением смотрел на вошедшего мужчину. Чжоу Мин был худым, носил очки со стеклянными линзами, и даже в разгар лета был в рубашке с длинными рукавами, выглядел как старомодный учёный.

— Папа, как ты здесь оказался? — Чжоу Чэну было странно. В момент появления Панды он тоже подумал, что войдёт Гу Хуайли, но оказался его отец, Чжоу Мин. Можно представить, насколько разочарован был Минъюй.

Чжоу Мин потрепал Чжоу Чэна по голове, подошёл к Гу Минъюю и присел перед ним.

— Ты, наверное, Минъюй? Твой папа не смог приехать, Линлин попросила меня навестить тебя и заодно привезти Панду. — Вернувшись домой и не обнаружив жену, а увидев, что в здании прокуратуры горят огни, Чжоу Мин отправился туда. Чэнь Линлин как раз беспокоилась, и,

увидев его, восприняла как спасителя.

Узнав о ситуации, Чжоу Мин не стал медлить и сразу собрался ехать на мотоцикле в городок Кушуй. Чэнь Линлин, будучи внимательной, подумала, что Гу Минъюю будет приятно увидеть Панду, и попросила Чжоу Мина зайти во двор, найти собаку и взять с собой.

Чжоу Мин взял одежду, привязал Панду к груди и так всю дорогу ехал на мотоцикле. Панда вёл себя смирно, не вырывался, тихо сидел в объятиях Чжоу Мина, а на месте, учуяв запах Гу Минъюя, начал рваться вниз.

С того момента, как Гу Минъюй обнаружил, что вошедший — не Гу Хуайли, он опустил голову и молчал, не отвечая Чжоу Мину, лишь поглаживая Панду у себя на коленях. Чжоу Мин смущённо улыбнулся, встал и пошёл поговорить с родителями.

Оплатив счета за лечение троих детей, он вскоре услышал, как Чжоу Чжи капризничает, требуя домой. Бабушка и дедушка Чжоу сказали, что отвезут обоих внуков обратно, а Чжоу Мин вызвался остаться с Минъюем.

Но Чжоу Чэн не согласился, крепко прижавшись к Минъюю и ни за что не желая уходить. Чжоу Мин позволил им остаться.

— Минъюй, — Чжоу Мин, проводив родителей до двери и вернувшись, только начал звать Гу Минъюя, как получил сердитый взгляд от собственного сына.

— Тсс! Минъюй спит! — прошептал Чжоу Чэн.

Увидев, как сын смотрит на него с отвращением, Чжоу Мин не знал, смеяться ему или плакать. Он подошёл, «испросил разрешения»:

— Если Минъюй будет так спать, у него заболит шея. Может, я возьму его на руки?

Чжоу Чэн немного поколебался: боялся, что Чжоу Мин разбудит Минъюя, но и боялся, что у того действительно заболит шея. В конце концов он кивнул.

Только тогда Чжоу Мин осторожно поднял Минъюя. Глядя на чистое личико мальчика с длинными загнутыми ресницами, он не мог не восхититься:

— Какой красивый ребёнок, прямо как куколка.

Чжоу Чэн кивнул, полностью соглашаясь.

Даже во сне Гу Минъюй не отпускал обнимающую Панду руку. Когда Чжоу Мин прижал его к груди, нахмуренные брови мальчика наконец разгладились, и он заснул с ангельским

выражением лица.

Вскоре Чжоу Чэн тоже устал, лёг на скамейку, положив голову на ногу отца, и быстро уснул. Чжоу Мин позвал медсестру, чтобы она принесла одеяло и накрыла им животики детей, а сам присидел так всю ночь до рассвета.

После того как Гу Минъюй поправился, Чжоу Мин забрал их обратно в город. Если говорить о том, что больше всего нравилось Гу Минъюю в Чжоу Чэне, так это его добрые родители. Хотя первая встреча вышла не слишком удачной, Чжоу Мин своей мягкостью и внимательностью покорила сердце Гу Минъюя.

Закончив с делами, Чжоу Мин освободился и начал учить Гу Минъюя и Чжоу Чэна сажать цветы, водил их собирать фрукты. Неважно, делали ли они уроки, смотрели телевизор или играли в приставку, Чжоу Мин всегда был рядом с детьми, смотрел и играл вместе с ними.

На десятилетие Чжоу Чэна, которое пришлось на начало учебного года, Чжоу Мин подарил ему очень красивый набор канцелярии. Гу Минъюй тоже получил такой же — в качестве запоздалого подарка при знакомстве.

Гу Минъюй завидовал Чжоу Чэну, завидовал до ревности.

Не то чтобы Гу Хуайли и Ху Чжэнь любили его меньше, чем родители Чжоу Чэна своего сына. Они тоже очень любили Гу Минъюя, но они были слишком заняты. Они могли любить его лишь урывками, не в силах обеспечить то постоянное присутствие, в котором больше всего нуждается ребёнок. А родители Чжоу Чэна могли.

Время быстро пролетело, наступила зима, и на каникулы из школы вернулась Гу Минчжу. Гу Минчжу была на восемь лет старше Минъюя, в этом году ей исполнилось 16. У неё был высокий лоб, густые брови, большие глаза, очень светлые зрачки и чувственные изящные губы — она была очень миловидной девушкой.

<http://bllate.org/book/15446/1371482>